

В.Н. МОИСЕЕВ

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ МОРТАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА

Владислав Николаевич Моисеев,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации,
Институт государственной службы и управления,
кафедра ЮНЕСКО,
аспирант,
Вернадского просп., д. 82, стр. 1, Москва, 119571, Россия
E-mail: moiseev.work@gmail.com

Реферат. *Статья посвящена проблеме смертности в контексте постоянно расширяющейся среды новых медиа. Глобальная цифровизация коснулась практически всего, что связано с человеком, в том числе и смерти. Современный пользователь Интернета регулярно сталкивается с новыми качествами и выражениями смертности, которые часто удивляют, становятся предметом широкой общественной дискуссии и иллюстрируют нехватку интеллектуальной рефлексии. Однако трансформация данного феномена по сей день остается не до конца изученной, нуждается в научном осмыслении с точки зрения различных гуманитарных дисциплин, среди которых, несомненно, и философия; она может быть полезна в области реализации современных технологических практик. Обозначено проблемное поле, выделены несколько основных векторов дальнейшего изучения вопроса. Среди них — трансформация ритуалов скорби под влиянием новых медиа и специфика онлайн-мемориализации, юридические практики и необходимость их пересмотра в новых реалиях, этические проблемы, связанные с изменением статуса приватности и табуированности смерти, психологический и другие аспекты, сквозь призму которых следует рассматривать феномен смертности в цифровую эру.*

Ключевые слова: онлайн-мемориализация, Интернет, социальные сети, витальность, смертность, философия техники, цифровой профайл, танатология.

Для цитирования: *Моисеев В.Н.* К постановке проблемы смертности в эпоху новых медиа // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 3. С. 274—279.

Исследования смерти и связанных с ней ритуалов имеют особое положение в научном дискурсе. Проблематика смертности до сих пор остается в определенной степени табуированной не только на бытовом уровне, но и на уровне интеллектуальной рефлексии. Возможно, именно по этой причине недавно возникший в публичной дискуссии интерес к теме смертности воспринимался как нечто маргинальное, а выход специализированного научно-популярного журнала «Археология русской смерти» вызвал широкий общественный резонанс и привлек внимание научного сообщества и СМИ.

Как ни странно, обозначенную проблематику актуализируют, казалось бы, абсолютно не связанные со смертью феномены. Речь идет о новых медиа. Сегодня исследования медиа переживают настоящий подъем в англоязычной научной дискуссии, этой темой занимаются и российские ученые. Однако изучение взаимодействия человека и современной техники, интернет-коммуникации в контексте дискурса смерти пока не получили должного осмысления. Тем не менее большинство пользователей новых медиа так или иначе на бытовом уровне сталкиваются с преломлением проблематики смертности.

В русской философской традиции к теме смерти активно обращаются с середины XIX в., это одна из важнейших проблем в творчестве Н.Ф. Федорова. Н.А. Бердяев утверждал, что «этика, в центре которой не стоит вопрос о смерти, не имеет никакой цены, она лишена серьезности и глубины» [1, с. 379]. В данном контексте важно сказать о работах В.В. Варава, который вносит существенный вклад в осмысление и развитие идей Н.А. Бердяева и Н.Ф. Федорова и проблематизирует, в частности, нравственный аспект смерти [2, с. 93]. О необхо-

димости эпистемологической рефлексии смертности сегодня заявляет Р.Л. Красильников [3, с. 5]. Изучением дискурса смерти занимается Санкт-Петербургское общество танатологических исследований. Однако в российской научной дискуссии тема смерти именно в контексте новых медиа практически не поднималась на серьезном уровне — в формате монографии, книги или хотя бы серии статей.

В англо-американской науке сегодня весьма активно обращаются к проблеме смертности. Отмечается особая актуальность и важность исследований смерти как социального конструкта, ее места в современной культуре, в том числе и в контексте медиа [4, с. 2]. О смерти в эпоху новых медиа пока написано всего несколько значимых работ. Дж. Романо и Э. Кэрролл не только выступили одними из первопроходцев темы смерти в цифровую эпоху, но и поставили множество вопросов о роли социальных сетей в жизни человека и его ответственности за тот контент, который он создает [5, с. 34]. К. Мореман и Д. Льюис развивают понятие «гибридной» смертности и подвергают его детальному и глубокому анализу [6, с. 3]. И это лишь одни из первых соприкосновений с темой, широкий круг вопросов остается не только не осмыслен, но и не затронут. Смертность в контексте новых медиа представляет собой широчайшее проблемное поле для исследований не только в области *media studies* и философской антропологии, но и этики, права и социальной философии. Если не напрямую, то косвенно эта тема затрагивает и область межконфессиональных отношений, и вопросы законодательных практик. По мере того как интернет-коммуникация демаргинализируется и принимает статус важной и легитимной площадки для проговаривания социально-политических проблем (в разных странах этот процесс происходил и происходит по-разному), возникает потребность в нахождении консенсуса по вопросам обозначенной нами темы смертности.

Сам по себе феномен смерти, ее «возможность или невозможность» в цифровую эру, может быть подвергнут отдельному научному осмыслению. Проблема сохранения сознания человека на внешнем носителе, сопряженная с изысканиями в области трансгуманизма и исследованиями искусственного интеллекта, не является для нас приоритетной. Прежде всего нас интересует репрезентация смертности, т. е. совокупность проявлений дискурса смерти, в новых медиа.

Целью настоящей статьи не является детальное исследование проблемы онлайн-мемориализации — для этого потребовался бы совершенно иной формат. Мы попытаемся обозначить лишь проблемное поле и указать векторы дальнейшего изучения.

Один из ключевых сюжетов социальных сетей, которые являются важной составляющей поня-

тия новых медиа, — это витальность. Профайлы в Facebook, ВКонтакте, Instagram и Twitter изобилуют документацией разнообразной пользовательской активности, связанной с физиологической стороной жизни: это сюжеты приема пищи, физической активности, сексуальности. Новые медиа много шире

Под воздействием новых медиа трансформируются даже такие базовые проявления человеческого существа, как смерть.

только лишь обыденных проявлений физиологического, тем не менее эти сюжеты играют важную роль. Неслучайно В.В. Савчук выделяет медиальный поворот философии и, соответственно, онтологический статус медиа [7, с. 39]. Дело в том, что развитие цифровых технологий настолько глубоко проникает в жизнь современного человека, что все сферы его деятельности неминуемо трансформируются — меняется социальность, мышление и память, работа и отдых, перечислять можно бесконечно. Под воздействием новых медиа трансформируются даже такие базовые проявления человеческого существа, как смерть.

Важную роль играет само понятие цифрового профайла. Я. Бьюканан проводит очевидную параллель между делезианским концептом тела без органов и цифровым профайлом [8]. Такое сравнение вполне справедливо — и то, и другое отвечает представлению о виртуальном измерении человека, поверхности регистрации всего процесса желания. Бьюканан понимает цифровой профайл как некую совокупность всей возможной цифровой информации о человеке, которая характеризует его, определяет идентичность и пр. В контексте именно социальных сетей понятие профайла имеет близкое значение, это персональная страница, на которой регистрируется пользовательская активность и содержится информация о нем. Можно говорить о том, что профайл в социальных сетях является частью целого цифрового профайла, массива данных о человеке. Но в отличие от номеров социального страхования, счетов и IP-адресов, т. е. данных, выраженных именно в числах, с тексто-визуальным профайлом в социальных сетях человек имеет регулярное и плотное соприкосновение, у него возникает устойчивое самоотождествление с ним, эмоциональная связь.

Ж. Бодрийяр, описывая реалии американского визуального потребления, объяснял засилье витальных сюжетов необходимостью подключения себя к телесным практикам как залог существования в условиях всеобщего экранирования и эф-

фекта полароида (обладание одновременно объектом и его визуальным оттиском) [9, с. 106]. Более подробно эта тема затрагивалась нами в предыдущей статье [10, с. 109]. Коротко витальность социально-сетевой коммуникации можно охарактеризовать как присвоение собственного цифрового продолжения через его физиологизацию, оживление, подключение к телесным репликам. Это своего рода синхронизация человека-офлайн и человека-онлайн, стирание некогда актуальной границы виртуального и реального, о которой в условиях всепроникающего Интернета можно говорить лишь в прошедшем времени. Но человеческая витальность имеет и своего рода обратную сторону, логическое продолжение, выраженное в смертности.

На практике оказывается, что границы биологической активности не совпадают с активностью социальной, обширно регистрируемой посредством новых медиа.

ности. Полная синхронизация человека со своим цифровым профайлом захватывает все стадии и периоды жизни, включая смерть. Однако на практике оказывается, что границы биологической активности не совпадают с активностью социальной, обширно регистрируемой посредством новых медиа.

В заголовок статьи вынесено понятие смертности. Причина такого выбора заключается в том, что речь пойдет не только об онлайн-мемориализации, что зачастую практикуется в исследованиях смерти в контексте новых медиа. Безусловно, нас интересуют новые ритуалы памяти по усопшим, это один из ключевых аспектов, но не единственный. Например, прямые трансляции актов суицида, документирование смерти также вписываются в представление о смертности, хотя и до сих пор не нашли отражения в научной рефлексии. Смертность — весьма обширное понятие, максимально обобщая, определим его как содержательное поле всей совокупности опыта, сопряженного с переживанием и осмыслением смерти.

Одно из важных проявлений смертности в контексте новых медиа — онлайн-мемориализация. Под этим подразумевается совокупность ритуалов скорби, переживания смерти посредством новых медиа. Опыт онлайн-мемориализации довольно разнообразен, сюда можно отнести и цифровые кладбища, своего рода имитации офлайн-кладбищ, и сайты, посвященные наследию усопших — все эти феномены нуждаются в осмыслении. Мы же остановимся на ключевом аспекте, который имеет чрезвычайно массовый характер, — социально-сетевой мемориализации.

По данным за 2015 г. в социальной сети Facebook было зарегистрировано 1,5 млрд профайлов. Ежедневная аудитория сайта — более 500 млн человек [11]. Количество профайлов людей, которые уже умерли, составляет около 40 миллионов. Существует статистика и по другим социально-сетевым проектам. Но главные вопросы — что происходит с профайлом умершего человека и не превратится ли со временем пространство социальных сетей в огромный каталог мертвецов, ведь когда-то гипотетически их число превысит число живых пользователей.

Профайл в социальной сети, как мы отметили ранее, присваивается, оживляется посредством витальных реплик, проявлений пользовательской активности. Подключение к профайлу, работа с ним —

это процесс весьма личный, пользователь конструирует собственную идентичность, рефлексивует, а если мы принимаем точку зрения, что медиа имеют сегодня онтологический статус, то человек и обретает бытие,

взаимодействуя с ними. Обычно один профайл соответствует одному конкретному человеку (по крайней мере, социальные сети стремятся к полной деанонимизации и индивидуализации пользователей), который взаимодействует с ним исходя из собственных представлений о частной и публичной жизни.

В случае, когда пользователь социальной сети умирает, судьба его профайла может пойти по нескольким сценариям, но все они сопряжены с одной трансформацией — это становление частного человека и его профайла достоянием некоторой части социума — общего. Профайл может перейти члену семьи или другу, и уже они решают его судьбу, получают доступ к личной переписке, частной жизни усопшего. Практика пользования социальными сетями показывает, что нередко родственники усопшего продолжают вести страницу от его имени, делятся воспоминаниями, сообщают о деталях похорон, обстоятельствах смерти и пр. В случае, когда человек стал жертвой преступления, родственники или друзья, ведущие его частную страницу, могут сообщать о ходе расследования и результатах суда.

С другой стороны, друзья усопшего пользователя участвуют в ритуалах онлайн-мемориализации — они размещают на его странице воспоминания и фото, пишут панегирики, причитают и выражают скорбь другими доступными способами. Таким образом, частный профайл становится местом коллективной скорби, своего рода онлайн-панихиды, растянутой во времени. Когда индивидуальная активность и витальность профайла стре-

мятся к нулю, он сначала исключается из активной интеракции, прекращает сообщать пользователю статус его активного существования. А когда речь заходит о приобретении отрицательной витальности (смерти), профайл переходит в состояние некой суррогатной постжизни. Facebook предлагает консервировать страницы усопших людей в памятные страницы, тогда сайт исключает свойственные живым пользователям алгоритмы напоминания о дне рождения и т. д.

Но далеко не все переводят профайлы своих умерших родственников и друзей в мемориальный режим, и страница продолжает участвовать в пассивной интеракции — пользователя отмечают на фотографиях, добавляют в друзья, ему отправляют сообщения, некоторые, не зная о смерти, поздравляют его с днем рождения; существует целый ряд возможных курьезных ситуаций, вовлекающих профайл умершего в инерционную социальную активность. При этом лексическое оформление этой активности соответствует речи о живом человеке. Отказ от перевода страницы в формат мемориальной можно трактовать по-разному: часто это связано с тем, что пользователи просто не сталкивались с подобными практиками и не знают о такого рода опциях. Другой аспект этой проблемы заключается в том, что с переходом страницы в «режим памяти» теряется ее полноценный социальный функционал, возможность пользования существенным образом ограничивается. Также отметим и психологический аспект, он касается отрицания смерти и нежелания включать умершего в число таковых, поскольку активный социальный профайл, не переведенный в режим памяти, создает иллюзию присутствия человека, декларирует статус остаточной постжизни.

Х. Эберт отмечает трансформацию ритуала мемориализации в контексте новых медиа — пассивная сменяется на динамичную, активную [12]. Когда профайл умершего превращается в своего рода мавзолей, хранилище воспоминаний о человеке, его друзья и близкие активно участвуют в формировании памятного статуса. Пользователи подключаются к смертности, совершают ритуалы скорби, и, несмотря на то, что человек давно умер, его профайл продолжает пребывать в состоянии постжизни, остаточной социальной активности, страница развивается, обрастает сообщениями, воспоминаниями. Подключение к смертности становится моментально доступным, для этого не надо ехать на кладбище, достаточно просто вписать имя в строку поиска. В этом смысле мемориализация действительно приобретает иной характер. Здесь вполне справедливо говорить об активной (и даже интерактивной) мемориализации.

Неверно было бы утверждать, что мысленное общение с усопшим человеком — это некое нововве-

дение, ставшее доступным только с появлением новых медиа. В традиционных мемориальных ритуалах всегда существовал внутренний диалог с покойным, особенно в ситуации посещения могилы, просмотра фотографий и т. д. Принципиальное отличие онлайн-мемориализации заключается в том, что профайл человека в социальной сети — это не просто набор фотографий, но и не место погребения. Это — область фиксации жизни, там содержится колоссальное количество информации о пользователе: что ему нравится, о чем он думал, с кем и как общался. И вся эта фиксация была создана руками бывшего владельца. Профайл в социальной сети позволяет выносить свой мысленный разговор с покойным за пределы собственного воображения при помощи диалоговых окон главной страницы профайла (на заре социальной сети «ВКонтакте» это принято было называть «стеной»). Профайл усопшего человека всегда находится на орбите социального взаимодействия живых людей, в любой момент можно приобщиться к памяти о человеке без визитов на место погребения. Безусловно, онлайн-мемориализация не исключает традиционных ритуалов памяти и посещения могил, но меняет саму идею контакта с умершим человеком, но находящимся в стадии остаточной постжизни, хоть и пассивного, но социального взаимодействия.

Еще один угол зрения, под которым в будущем стоит рассмотреть преломление смертности сквозь призму новых медиа, можно сформулировать как эгалитаризация жанра автобиографии. Пользователи социальных сетей находятся в уникальной исторической ситуации, когда инструменты прямой рефлексии — медиа — максимально доступны. Сложно вспомнить другую эпоху, когда простой человек без выдающегося образования и высокого социального статуса так много писал, фотографировал, самодокументировался. Медиа, как суть техническое, преподносят самому обычному человеку доступный путь самоузнавания. После смерти накопленная информация не исчезает (только если ее сознательно не удаляют), и мы встречаемся с уникальной ситуацией, когда перед нами оказывается объемный массив данных о человеке, нечто среднее между мемуарами и автобиографией. Ранее только люди высокого социального положения, интеллектуалы имели собственные мемуары и биографии. Сегодня после смерти пользователя без высокого статуса остается массив его сообщений, высказываний, свидетельств о предпочтениях. Дети и внуки могут приходить на страницу предка и изучать его посты как автобиографию. Мы не знаем ни об одном поколении так много, как о поколении пользователей новых медиа. А учитывая, что многих с рождения регистрируют в социальных сетях родители и ведут их профайлы до наступления сознательного возраста, мы оказываемся в уникальной

ситуации, когда проследить жизнь человека можно от самого рождения до самой смерти.

Еще один интересный для подробного исследования аспект, связанный с смертностью и новыми медиа, — это трансформированное завещание, некая последовательность активных действий, следующих за смертью волеизъявителя. Сегодня на рынке *social media marketing* существует услуга ведения профиля в социальной сети после смерти пользователя. Например, сервис *Lives on* учится имитировать стиль ведения аккаунта в Twitter и после смерти пользователя копирует его. Существуют и примеры, когда агентство берет на себя обязательство публиковать от лица умершего желаемую информацию. Есть множество сервисов, которые объединяет идея воспроизведения себя после смерти в виде аудиовизуальных сообщений (в частности, *eterni.me*). Подобные сервисы объединяются идеей преодолеть смерть, обрести «цифровое бессмертие». Такие, казалось бы, чересчур смелые и даже несерьезные заявления эксплицируют важную проблему, над разрешением которой человек размышляет долгое время. По мнению К. Исупова, смерть не имеет своего бытийного содержания [13, с. 106]. Но даже пассивные социальные интеракции профиля после смерти пользователя, имитация жизни — это попытки обрести бытийное содержание после смерти, и, возможно, новые медиа близки к тому, чтобы дать его человеку.

Наконец, последний и наименее исследованный аспект смертности, на который хотелось бы обратить внимание, — это онлайн-самоубийства. Традиция суицида стара как мир. Она включает в себя и акты публичного ухода из жизни, обычно они связаны с попыткой отстоять свою позицию, сделать политическое или иное заявление. Новые медиа здесь не являются проводником принципиально новых подходов, а трансформируют лишь форму. Известны множественные случаи, когда человек в сети заявлял о желании уйти из жизни и приглашал пользователей посмотреть в прямом эфире, как он будет это делать. Обычно такие желания сопряжены с сильным эмоциональным переживанием и попыткой заявить публично о причинах своего нежелания жить. Здесь стоит выделить два аспекта, интересных как для философского, так и для психологического осмысления. Первый — это культура потребления образов смерти, желание быть свидетелем предельных экзистенциальных состояний и даже своего рода вуаеризм (мы можем наблюдать подобный эффект, когда во время какой-либо катастрофы большое количество людей снимают ее на смартфоны). Другой аспект — это психологическое состояние публичного самоубийцы, его истинные мотивы предания огласке собственной трагедии.

Каждый из перечисленных нами аспектов сетевой смертности открывает большой простор для научного поиска. Проблематикой смерти в контексте новых медиа уже занимаются в рамках *media studies*, теологического, социологического, философско-антропологического и других подходов. Снятие табу на проблематику смерти (особенно в контексте новых медиа) может иметь не только теоретическую ценность, но и практическое применение в вопросах формирования ритуалов цифровой мемориализации. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что обозначенное нами проблемное поле затрагивает не только вопросы философского, культурологического, этического и психологического осмысления, но и вопросы философии права с последующим юридическим сопровождением.

Список источников

1. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. Москва ; Харьков, 2003. 702 с.
2. Варава В.В. Нравственная сотериология Н.Ф. Федорова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 92–106.
3. Смертность в литературе и культуре : сб. науч. трудов / ред. А.Г. Степанов, В.Ю. Лебедев. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
4. The Social Construction of Death : Interdisciplinary Perspectives / ed. by L. Van Brussel, N. Carpentier. Brussel : Vrije Universiteit Brussel, 2014. 278 p.
5. Carroll E., Romano J. Your Digital Afterlife: When Facebook, Flickr and Twitter Are Your Estate, What's Your Legacy? Berkeley : New Riders, 2011. 216 p.
6. Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age / ed. by D. Lewis, C. Moreman. Praeger, 2014. 265 p.
7. Савчук В. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург, 2013. 349 с.
8. Buchanan I. Deleuze and the Internet // Deleuze and New Technology / ed. by M. Poster, D. Savate. Edinburgh, 2009. P. 144.
9. Бодрийяр Ж. Америка / пер. Д. Калугин. Санкт-Петербург, 2000. 249 с.
10. Моисеев В. Общество синхронизации. Человек и его цифровой профиль // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 107–111.
11. Число пользователей Facebook превысило полтора миллиарда [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 5 ноября 2015. URL: https://lenta.ru/news/2015/11/05/facebook_accounts/ (дата обращения: 18.04.2016).
12. Ebert H. Profile of the dead: mourning and memorial // Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age / ed. by D. Lewis, C. Moreman. Praeger, 2014. P. 24.
13. Исупов К. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106–115.

TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM OF MORTALITY IN THE AGE OF NEW MEDIA

VLADISLAV N. MOISEEV

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, 82-1 Vernadskogo Av.,
Moscow, 119571, Russia

E-mail: moiseev.work@gmail.com

Abstract. *This article is devoted to the problem of mortality in the context of developing new media environment. Global digitalization of the world can be observed in all that is connected with the human, including death. In the changing technological conditions, the modern user of the Internet and gadgets regularly faces some new qualities and expressions of mortality, which often surprise, become the subject of wide public discussion and illustrate the lack of intellectual reflection. However, the transformation of this phenomenon still remains understood incompletely and requires a scientific understanding in terms of different humanitarian disciplines, one of which, undoubtedly, should be philosophy, that can be useful in the implementation of modern technological practices. The author outlines the problem field and defines several main vectors of the further study. Among the vectors, there are the transformation of mourning rituals under the influence of new media and the specifics of online memorialization, the legal practices and the necessity to revise them in the new reality, the ethical problems associated with the changes in the status of privacy and taboo of death, the psychological and other aspects, in the light of which the phenomenon of mortality should be considered in the digital era.*

Key words: online-memorialization, the Internet, social networks, vitality, mortality, philosophy of technics, digital profile, thanatology.

Citation: Moiseev V.N. To the Statement of the Problem of Mortality in the Age of New Media, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 274–279.

References

1. Berdyaev N.A. *Opyt paradoksal'noi etiki* [An Essay in Paradoxical Ethics]. Moscow, Kharkiv, 2003, 702 p.
2. Varava V.V. Nравstvennaya soteriologiya N.F. Fedorova [Moral Soteriology of N.F. Fedorov], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Voronezh State University. Humanitarian sciences Series], 2005, no. 2, pp. 92–106.
3. Stepanov A.G., Lebedev V.Yu. (eds.) *Mortal'nost' v literature i kul'ture: sb. nauch. trudov* [Mortality in the Literature and Culture: sci. art. digest]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 432 p.
4. Brussel L.Van, Carpentier N. (eds.) *The Social Construction of Death. Interdisciplinary Perspectives*. Brussel, Vrije Universiteit Brussel (VUB), 2014, 278 p. (in Eng.).
5. Carroll E., Romano J. *Your Digital Afterlife: When Facebook, Flickr and Twitter Are Your Estate, What's Your Legacy?* Berkeley, New Riders Publ., 2011, 216 p. (in Eng.).
6. Lewis D., Moreman C. (eds.) *Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age*. Praeger, 2014, 265 p. (in Eng.).
7. Savchuk V. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Mediaphilosophy. Assault of Reality]. St. Petersburg, 2013, 349 p.
8. Buchanan I. Deleuze and the Internet, *Deleuze and New Technology*. Edinburgh, 2009, p. 144.
9. Baudrillard J. *Amerika* [Amerique]. St. Petersburg, 2000, 249 p. (in Russ.).
10. Moiseev V. *Obshchestvo sinkhronizatsii. Chelovek i ego tsifrovoi profil* [Society of Synchronization. The Human and a Digital Profile], *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], no. 5, 2014, pp. 107–111.
11. Chislo pol'zovatelei Facebook prevysilo poltora milliarda [The Number of Users in Facebook Exceeded More than Half a Billion People], *Lenta.ru*, 2015, 5 of November. Available at: https://lenta.ru/news/2015/11/05/facebook_accounts/ (accessed 18.04.2016).
12. Ebert H. Profile of the Dead: Mourning and Memorial, *Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age*. Praeger, 2014, p. 24.
13. Isupov K. Russkaya filosofskaya tanatologiya [Russian Philosophical Tanatology], *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1994, no. 3, pp. 106–115.